

Смена - с. 115 - 1995 - 24 марта - 6.6.

Как Ильич в театр ходил

ИСТОРИЯ о том, как незадолго до смерти Брежнев смотрел спектакль во МХАТе, давно уже стала любимой байкой в московских театральных кругах, но до публикаций в прессе дело пока не доходило. На страницах британской газеты "Financial Times" подробности того знаменательного вечера и всего, что ему предшествовало, рассказаны со слов непосредственных участников события - драматурга Михаила ШАТРОВА и заведующего литературной частью МХАТа Анатолия СМЕЛЯНСКОГО.

ТЕ, кто не забыл доперестроечные времена, знают: к каждому очередному съезду КПСС было принято готовить трудовые подарки. Подарком от Московского Художественного театра должен был стать новый спектакль по пьесе Шатрова "Я вам завещаю". Действие, по замыслу автора, происходило в 1923 году, когда тяжело больной вождь мирового пролетариата, готовясь отойти в мир иной, вспоминал былые и со-

ставлял политическое завещание потомкам. Как любой спектакль, где речь шла о Ленине, новая постановка должна была получить одобрение цензора, худсовета и парткома театра, районного и городского комитетов партии. Министерства культуры Центрального комитета КПСС и, как правило, лично главного идеолога партии Михаила Суслова. На каждом из этапов пьесу могли "завернуть". В случае с

"Я вам завещаю" в роли тормоза выступило Министерство культуры, отказавшись прислать своего представителя на репетицию, что автоматически означало перенос премьеры на неопределенный срок. "Если одна дверь захлопывалась, всегда можно было найти и открыть другую", - вспоминает Анатолий Смелянский. Сказано - сделано: из МХАТа ушла челобитная на имя ближайшего сподвижника Брежнева Константина Черненко. Добро на постановку было получено с обязательным условием - назначить премьеру на 18 декабря, день рождения "дорогого Леонида Ильича". "В день первого представления мы сидели в кабинете у Олега Ефремова, когда раздался звонок из Министерства культуры, - вспоминает Шатров. - Мне было велено немедленно придумать новое на-

звание спектакля и перезвонить через пять, максимум через семь минут. До премьеры оставалось два часа... Лихорадочно перелистав текст пьесы, автор остановился на фразе "Так победим" из заключительного монолога и сообщил о своем выборе в министерство на другом конце провода долго молчали, а затем огласились. "Годится, только поставьте восклицательный знак". Так "Я вам завещаю" превратилось в "Так победим!". Позже выяснилось, что первоначальное название пьесы, по мнению министра культуры Демичева, могло навести генсека на грустные мысли о собственном немощном состоянии. Через два месяца после премьеры руководству МХАТа сообщили, что на спектакле будет присутствовать все политбюро во главе с самим

генеральным секретарем. Брежнев никогда не ходил в театр, за исключением ритуальных посещений Большого. Из всех зрелищ для него важнейшим являлся хоккей. Если прищипной культпоход во МХАТ стало желание показать, что генсек еще очень даже ничего и хоронить его (в заодно и социализм) пока рано, то надо признать, идея с треском провалилась. Никогда еще старческий маразм и немощь не были продемонстрированы так наглядно. Дабы в зале не оказалось случайных зрителей, билеты были предельно тщательно распространены среди надежных проверенных людей - партхозноменклатуры, спецслужб дипломатии. Публика, которая вряд ли до этого видела генсека иначе, чем на экранах телевизора с любопытством наблюдала, как охранники вносили Брежнева,

пытящего и ворчащего, в правительственную ложу, в двух метрах от сцены. Пьеса Шатрова начинается с того, что смертельно больной Ленин, проводящий свои последние дни в Горках, приезжает в кремлевский кабинет, чтобы, пробы там минут пятнадцать, никогда уже туда не вернуться. Играющий вождя Александр Кобякин выехал на сцену в инвалидной коляске и долго молча смотрел в темноту зрительного зала. Это резко расходилось с советской театральной традицией, когда Ленин воялся на сцену, полный сил и энергии, приковывая к себе всеобщее внимание. Мало того - было принято, чтобы зал вставал и приветствовал появление вождя аплодисментами. Слуште некоторую часть после начала спектакля Брежнев осознал, что на сцене главный большевик. С трудом повернувшись к сидящему рядом Черненко генсек спросил громким шамкающим голосом (обычным у старух глухих людей): "Это же Ленин! Поприветствуем его?" - "На надо!" - прокричал ему в

ухе Черненко. Два дряхлых Ильича - один в ложе, другой на сцене - сидели и смотрели друг на друга, старчески тряса головой и что-то невнятно мыча. В зале стояла мертвая тишина. По ходу действия из правительственной ложи время от времени на весь театр раздавался вопрос: "Вы что-нибудь слышите? Я ничего не слышу". Когда на сцене появилась в эпизодической роли молоденькая актриса, генсек замечто оживился и игриво (и также громко слышно) изрек: "А она хорошенькая!". Но даже тогда никто в зале не рассмеялся. Во втором действии перед мысленным взором совсем уже умирающего Ленина проходят сцены воспоминаний. Среди персонажей виденный вождь был Арманн Хаммер, легендарный американский промышленник, единственный настоящий капиталист помогавший строить социалистическую индустрию и имевший влияние на всех советских лидеров, включая Брежнева. Сцену с Хаммером генсек пропустил - его выно-

сили в фойе. Вернувшись в ложу, Брежнев спросил у Громыко: "Что здесь произошло?" - "Только что здесь был Хаммер". - "Сам Хаммер?! - воскликнул огорченный Ильич II. - Почему же он не захотел подойти и встретиться со мной?". И тут публика не выдержала. В разных концах зала раздалась сначала робкая смешка, затем веселье охватило целые ряды галерки, бельэтажа, партера... И вот уже весь театр сотрясало от хохота. Многие падали с кресел в прямом смысле слова. Вряд ли Брежнев в полной мере осознал произведенный им фурор. Когда устав переспрашивать, что происходит на сцене и в зале, генсек покидал театр, его, как подлинного артиста, зрители проводили бурной овацией. Шесть месяцев спустя Брежнев не стало. Вместе с ним ушла эпоха, когда на вождя смотрели как на икону.

Перевела
Кира ЛЕБЕДЕВА